

Итак, если к преобразованиям XVI в. понятие «реформа» применимо весьма условно, то XVII столетие демонстрирует нам образцы, более схожие с «реформами» в их «классической», европейской трактовке. Правда, отнюдь не все преобразования XVII в. оказываются удачными (не столько от недостатка энергии и решимости у правительства, сколько от решительного сопротивления переменам народа). Ближе к нашему пониманию термина «реформа», кажется, стоят преобразования Петра I. Инициированные им перемены протекали в сжатый отрезок времени, претендовали на всеобъемлющий характер и зачастую провозглашали (по крайней мере, на бумаге) решительный отход от прежней традиции. Своеобразным символом противоположности друг другу XVII и XVIII столетий может служить судьба двух высших государственных органов: Боярская дума умирала на протяжении долгих лет, а заменивший её Сенат был создан одним росчерком пера царя-реформатора.

Степан Шамин: Сопrotивляясь реформам: общественные отношения и интересы на пути преобразований в России XVII–XVIII вв.¹¹

Тема реформ, которой посвящена обсуждаемая нами книга, относится к числу «вечно актуальных» проблем исторической науки. Ценность издания заключается не только в высоком научном качестве опубликованных в нём статей и дискуссий, но и в том, что книга заставляет задуматься над рядом методологических и конкретно-исторических вопросов. Самый общий из них – о пределах возможного при использовании исторической терминологии, которой не знали современники анализируемых событий. Иначе говоря, можно ли называть «реформами» то, что современники никогда так не называли? Наиболее развёрнуто этот вопрос прозвучал в дискуссии между А.Б. Каменским и М.М. Кромом (с. 174–175). Каменский предложил разделять феномен реформ и понятие «реформа». Если понятие появилось в определённую историческую эпоху, то феномен имеет гораздо более широкие хронологические рамки. Кром же выступил против такого разделения, настаивая на связи явления с породившим его временем. Впрочем, затем он смягчил свою позицию, отметив, что идущая на конференции дискуссия – попытка избежать крайностей модернизации исторических понятий и жёсткого, ригористического отношения к используемым терминам, при котором вообще невозможно никакое сравнение.

На мой взгляд, предложенный Кромом компромисс очень плодотворен для поддержания рабочей атмосферы внутри исторического сообщества, но решить проблему исторической терминологии не помогает, поскольку искомая «золотая середина» каждый раз определяется субъективными взглядами конкретного исследователя или научного коллектива. По моим наблюдениям, степень модернизации используемой исторической терминологии находится в прямой зависимости от хронологических рамок исследования и предполагаемой аудитории книги – чем они шире, тем более обобщённые подходы к терминам автор вынужден использовать. Не меньшее значение имеет и то, какая из сторон исследуемого явления представляется учёному наиболее значимой для анализа.

К примеру, для характеристики термина «газета» в XIX–XX вв. ключевым было понятие «печатный», что и зафиксировано во всех словарных определе-

¹¹ Материал подготовлен при поддержке РГНФ, проект № 14-04-00128а.

ниях. Однако если говорить о XVII в., то данный признак теряет своё значение, поскольку тиражи рукописных газет принципиально не отличались от числа копий первых печатных изданий. По своей основной функции – информированию читателя о политических, экономических и других новостях – рукописные и печатные газеты не различались. Аналогичная ситуация сложилась и в XXI в.: газеты чаще и чаще издаются в электронной версии, и даже если печатная версия исчезает, издание всё равно остается газетой. Казалось бы, можно при определении понятия «газета» опереться на критерий массовости, но и он изменялся со временем – ни в XVII, ни в XVIII в. ни одна из газет даже не приближалась к тому охвату аудитории, который имеют современные издания. Сегодня число пользователей, по достижении которого обычный сайт превращается в СМИ, пытаются определить законодательно. Однако понятно, что в XVII–XVIII вв. таких критериев не устанавливалось, определять же их задним числом значило бы заниматься пресловутой модернизацией исторических понятий. Таким образом, прийти к единому пониманию феномена на всех этапах его существования просто невозможно – мы сталкиваемся с проблемой выбора точной даты отсечения. По-разному толкуя понятие «газета», время появления русской прессы можно отнести и к началу XVII в., и к его середине, и к началу XVIII в.¹² Некоторые исследователи, опираясь на наиболее строгие определения понятия, сомневаются даже в том, что газетой были петровские «Ведомости»¹³, отодвигая тем самым начало российского газетного дела во вторую четверть XVIII в.

Попытку бороться с исторической модернизацией при использовании термина «газета» предпринял автор данного текста, настаивая на использовании для XVII столетия термина «куранты», под которым подразумевал специфическое явление – предназначенные для сотрудников Посольского приказа, царя и Боярской думы дайджесты немецкой и голландской прессы¹⁴, превращённые затем Петром I в публичную газету «Ведомости». Однако здесь возникла другая проблема. Выяснилось, что практика составления обзоров иностранной прессы восстановилась в последние годы правления Петра I и сохранялась при его преемниках. Само слово «куранты» продолжало использоваться¹⁵.

Общего между допетровскими и послепетровскими дайджестами было больше, чем различного. В зависимости от угла зрения, исследователь может, опираясь на изменение области использования обзоров прессы, отделить куранты XVII в. от дайджестов XX в., может ввести отдельные термины для XVIII и XIX столетий, может рассматривать всё это как единое историческое явление – обзоры прессы, а может начать с курантов историю газетного дела. Это делает споры о допустимой степени модернизации исторической терминологии «закольцованными», поскольку в них каждый из участников, как правило, по-своему прав. С другой стороны, дискуссии на эту тему, если они не ведут к схоластике, могут в чём-то прояснить суть обсуждаемых явлений.

¹² См.: Кобзарева Е.И. Известия о событиях в Западной Европе в документах Посольского приказа XVII в. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1988.

¹³ Maier I. Первая русская печатная газета и её иностранные образцы // *La Russie et les modèles étrangers*. Textes réunis par Serge Rolet. Lille, 2010. P. 43–58.

¹⁴ Шамин С.М. Куранты XVII столетия: Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати. М.; СПб., 2011.

¹⁵ Майер И., Шамин С.М. Обзоры иностранной прессы в Коллегии иностранных дел в последние годы правления Петра I // *Российская история*. 2011. № 5. С. 91–111.

В числе других важных тем, затронутых в сборнике, следует отметить проблему разрыва в изучении российской истории XVII и XVIII столетий. В дискуссии Е.В. Анисимов справедливо говорил о важности «преодоления рубежа 1700 г. в сознании, когда для историков, изучающих XVIII век, XVII век кажется потерянным временем» (с. 292). Причин появления разрыва достаточно много. Среди них и различия в корпусе источников, связанные со сменой столицы, а также преобразованиями системы делопроизводства, и мощная историографическая традиция, и различия в терминологии, и многое другое. Большим вкладом в понимание истоков историографического разрыва является статья О.Е. Кошелевой и Е.Н. Наседкина. Она начинается вопросом: «Порвалась ли связь времён с восшествием на престол Петра I?» (с. 179). Авторы на основе конкретных примеров пришли к выводу, что в первой половине XVIII в. власти зачастую следовали установлениям предшествовавшего века. Наиболее же резкие, радикальные новшества наблюдались в сфере используемой государственной властью риторики. Следование традициям сменилось стремлением к «новизне». Нельзя не согласиться с авторами, отметившими, что «“преобразовательная” риторика петровских указов сильно повлияла на последующие поколения историков и философов, изучавших эпоху в первую очередь по текстам законопроектов» (с. 185).

Стал ли сам анализируемый сборник прорывом в стирании искусственной «границы 1700 года»? С одной стороны, да, поскольку в нём опубликованы две статьи по русской истории, захватывающие оба столетия (П.В. Седова, О.Е. Кошелевой и Е.Н. Наседкина). С другой стороны, нет – поскольку таких статей в нём всего две.

Один из разделов сборника посвящён теме заимствования иностранных образцов и моделей. Характерно, что XVII в. представлен в данном разделе статьёй О.А. Курбатова о роли западноевропейских военно-теоретических моделей в реформировании русской армии. Военное дело – та сфера, где уровень потребности в адаптации удачного иностранного опыта можно охарактеризовать фразой «заимствуй или умри». Поэтому механизмы трансфера видны здесь особенно ярко. Тем не менее Курбатову задали обычный для докладов по реформам XVII в. вопрос: «Куда всё это великолепие делось при Петре?» (с. 290). Докладчик справедливо отметил, что на состояние армии повлияло сокращение военных расходов (с. 290), а позднее добавил, что ещё в 1649 г. для подготовки военных кадров создавалось специальное училище, позднее же от этой практики отошли (с. 296). Таким образом, на примере армии было показано, что для успешной адаптации заимствования его необходимо постоянно поддерживать, создавая механизмы воспроизводства. Впрочем, даже выполнение этих условий не страхует от потребности в новых заимствованиях, поскольку если твоя армия не развивается, причём быстрее, чем у соседей, то весь механизм приходится запускать вновь.

Всё сказанное касается не только армии, но и заимствований в любой другой сфере. В качестве примера можно обратиться к одной из наиболее удалённых от военного дела областей – придворной культуре. К примеру, ещё при царе Михаиле Фёдоровиче при дворе появился потешник немчин И.С. Лодыгин – жонглер, канатоходец, а также знаток иных увеселений. Его имя встречается в источниках с 1629 г. Лодыгин не только выступал сам, но и учил русских учеников. В 1635 г. вместе с ним в потехе участвовал немчин Ю. Воин-Брант. В 1642 г. у Михаила Фёдоровича оставался ещё потешник Иван Ермис, ко-

того Забелин отождествлял с Воин-Брантом¹⁶. Тем не менее уже в 1643 г. российские власти вновь начали искать в Европе «игрецов и потешников»¹⁷. Европейских артистов разыскивали и при Алексее Михайловиче, и при Петре Алексеевиче¹⁸, и позднее. Таким образом, процесс заимствования повторялся многократно. В какой-то момент русский театр сам стал источником заимствований, но поиск западных образцов не прекратился и по сей день.

Аналогичным образом обстоит дело и с живописью. Еще в 1643 г. на московскую службу приняли живописных дел мастера И. Детерса¹⁹. Так было положено начало русской живописи, но позднее «создавать русскую живопись» приходилось ещё не раз. В 1667 г. на русскую службу взяли Д. Вухтерса, который «бывал во многих монархиях и в великих государствах, и работишкою своею служил», а также «прежнего живописца Ивана Детерса всякия живописные дела делает лутче». Ему дали хорошее жалованье и учеников²⁰. И здесь можно спросить: «Куда все это великолепие делось при Петре?». Как мне кажется, ответить на данный вопрос можно, обратившись к единственной сохранившейся до наших дней картине Вухтерса «Битва израильтян с амаликианами» (The Battle between the Israelites and the Amalekites overlooked by Moses, his arms held aloft by Aaron and Hur), которая была обнаружена мной в базе данных аукционных продаж artnet²¹. С моей точки зрения, полотно художественной ценности не представляет, что подтверждает и его более чем скромная аукционная цена, составившая в 1997 г. 6 103 долларов. Хотя Вухтерс и был «лутче» своих предшественников на должности придворного живописца, низкое качество образования, которое он мог дать русским ученикам, предопределило необходимость повторных заимствований живописного мастерства в будущем. Великое посольство вновь везло с собой художника из Европы²². Однако серьезных успехов в деле распространения живописания на просторах России удалось достичь лишь в следующем столетии. Таким образом, многократность заимствований – это естественное историческое явление, связанное с постепенным развитием общества-реципиента. Это характерно как для допетровской, так и для послепетровской истории России (и не только России).

Особый интерес вызывает вопрос о том, какое влияние российские реалии оказывали на заимствованные образцы и модели. Выступая по поводу доклада Г.О. Бабковой, Е.В. Анисимов отметил: «Идеи Просвещения дают три совершенно разных ростка: один – разрушение Старого порядка во Франции, другой – создание демократического государства США, а в России – укрепление самодержавной власти» (с. 293). Среди самых ярких примеров заимствований XVII в. – создание русской тяжёлой промышленности. Толчком к этому стала Смоленская война 1632–1634 гг. В 1630–1634 гг. российское правительство предпринимало серьёзные меры для формирования войск по европейскому об-

¹⁶ Забелин И.К. Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетиях Т. 1. Ч. 2. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 2000. С. 287–291.

¹⁷ Вести-Куранты 1642–1644 гг. М., 1976. С. 79.

¹⁸ Богоявленский С.К. Московский театр при царях Алексее и Петре. М., 1914.

¹⁹ Словарь русских иконописцев XI–XVII веков. М., 2009. С. 178–179.

²⁰ Там же. С. 134–135.

²¹ URL: <http://www.artnet.com/artists/daniel-wuchters/the-battle-between-the-israelites-and-the-t36aYz4qSbbdP-ttCeU-5A2> (дата обращения 16 марта 2014 г.). Изображение большого размера имеется на сайте аукционного дома Christie's.

²² Гуськов А.Г. Великое посольство Петра I. Источниковедческое исследование. М., 2005. С. 359.

разцу (с. 236–240). Логично было воспроизвести у себя и иноземную военную промышленность. В 1632 г. голландский купец А.Д. Виниус со своим компаньоном получил жалованную грамоту, позволяющую им делать «всякое железо мелнишным заводом». В России воспроизводились самые передовые технологии европейской промышленности. Для реализации этой задачи нанимались европейские специалисты, которые образовали рядом с заводом (на реке Тулице, недалеко от Тулы) целое поселение. Здесь среди лесов примерно в 200 км к югу от Москвы появился кусочек Европы. Первый чугунолитейный завод дал в 1637 г. Первоначально все работники завода – как русские, так и иностранцы – работали по вольному найму. Однако уже в течение ближайших после пуска предприятия лет традиционный для Европы середины XVII столетия вольнонаёмный труд оказался потеснён крепостным – к заводу приписали крестьян дворцовой Коломенской волости²³. Как известно, для российской промышленности крепостной труд стал не случайным эпизодом, а долговременной тенденцией.

Сходные черты мы находим и при обращении к истории создания в России регулярной «европейской» почты. Договор о её организации Приказ тайных дел заключил с иноземцем Я. ван Сведеном в 1665 г. Ван Сведен получил 1 тыс. руб. за доставку «вестей» для государственных нужд, а также право на выручку за пересылку частных писем иностранных купцов. Это оказалось очень выгодным предприятием. В 1668 г., когда подошёл очередной срок возобновления «почтового» договора, ван Сведен узнал, что на право содержать почту претендует другой иноземец – Л. Марселлис. Торг между Марселлисом и ван Сведеном шёл с 29 мая по 1 июня 1668 г. Ван Сведен предложил снизить выплаты из казны до 400 руб. при условии, что почту будут возить не его наёмные люди, а государевы ямщики. В ответ Марселлис сказал, что если корреспонденцию будут возить ямщики, то он готов держать почту бесплатно. В итоге она была отдана Марселлису. При этом существенно изменилась система организации и финансирования всего предприятия. Теперь почтмейстеру денег не выплачивалось вообще. Для перевозки почты по территории России начали использовать государственную ямскую службу. При Марселлисах почта перестала быть чисто капиталистическим предприятием, как в предыдущие годы. Высококвалифицированный труд по-прежнему использовался почтмейстером и его коллегами за границей, но перевозка почты перешла в руки прикреплённых к ямам ямщиков. Если для сотрудников почты ван Сведена трудовым стимулом являлись деньги, то при Марселлисах к очень небольшим «прогонам» (плате за перевозку), которые к тому же оплачивались ямщикам нерегулярно, добавлялось нещадное битьё батогами в случае ненадлежащей доставки корреспонденции²⁴. Таким образом, очевидна общая закономерность: передовые технологии переносили в Россию из Европы вместе с формами организации труда. Однако даже в тех случаях, когда технологии приживались, система организации труда начинала испытывать давление со стороны существовавших в России общественных отношений. Подобные тенденции наблюдались не только в экономике – даже театр, как известно, получил свой крепостной аналог.

Как видим, заимствуемые образцы могли не только отторгаться из-за их неполного соответствия существующим общественным структурам, но и деформироваться при столкновении с ними. Это представляется вполне естественным, поскольку новшества не вызревали внутри общества органично,

²³ Юркин И.Н. Андрей Андреевич Виниус. 1641–1716. М., 2007. С. 25–29.

²⁴ Шамин С.М. Куранты XVII столетия... С. 84–87.

а внедрялись властью, которая отстаивала собственные интересы, далеко не всегда соответствовавшие интересам общества. Русское дворянство хотело денег и земельных пожалований, а правительство пускало имевшиеся средства на жалование иностранным наемникам, которые должны были составить полки нового строя. Купцы мечтали ограничить передвижение европейских конкурентов пограничными городами, а государство, напротив, создавало почту – «дыру» (по меткому выражению И.Т. Посошкова), через которую иноземцы могли видеть «вся наша государственная и промышленная дела». Простой народ сбегался на скоморошьи игрища, а власть ликвидировала скоморошество и создала театр, в который и столетия спустя простые крестьяне попадали обычно лишь в качестве крепостных актёров.

Всё это вызывало сопротивление общества реформам, и эта тема также неоднократно затрагивается на страницах анализируемого сборника. Особенно интересной в данной связи представляется статья Е.В. Акельева и Е.Н. Трефилова «Проект европеизации внешнего облика подданных в России первой половины XVIII в.: замысел и реализация» (с. 154–173). Авторы показали, что, несмотря на многолетние усилия, власти так и не преуспели в поголовной европеизации внешнего вида своих подданных. Очевидно, что сопротивление внедряемым иноземным новшествам было не только естественным, но временами и успешным.

Обобщённый в книге опыт реформ XVI–XVIII вв. сегодня выглядит очень актуальным. Материалы сборника полезны для понимания того, что происходит в нашей стране. Судя по изданию, Европейский университет оказался удачной площадкой для обсуждения темы реформ. Хочется надеяться на то, что конференции по такой тематике будут проводиться и в дальнейшем.

Любовь Писарькова: Феномен российских реформ²⁵

Авторам статей, вошедших в обсуждаемый сборник, удалось во многом по-новому подойти к изучению реформ и, что не менее важно, заставить читателя задуматься над природой этого сложного и неоднозначного явления. Как следует из статей о реформах в европейских странах²⁶, восприятие этого понятия современниками в течение XVI–XVIII вв. претерпело заметную эволюцию. В XVI в. «реформа» воспринималась как изменение, направленное на возвращение к прежней, более совершенной форме, как исправление злоупотреблений, возникших в результате отклонения от овечных стариной начал. К концу XVII в. под ней подразумевали изменения в самых разных сферах жизни и управления. В XVIII в. «реформа» – это уже не только возвращение к прошлому, но и действие, вводившее новшества с целью искоренения злоупотреблений. Иными словами, реформа понималась как действие, направленное на улучшение существующего и на устранение злоупотреблений, независимо от того, возвращает она прежнюю форму или создает новую (с. 66–67, 218). Реформу уподобляли врачу, который обязан лечить больного, не стремясь при

²⁵ Материал подготовлен при поддержке РГНФ, проект № 14-01-00131.

²⁶ См. статьи рецензируемого сборника: Уваров П.Ю. Проекты преобразований во Франции в период правления Генриха II (1547–1559); Пименова Л.А. Реформы и реформаторы во Франции в век Просвещения. С. 59–68; Шоб Ж.Ф. Монархии Пиренейского полуострова и проблема изменений в XVI–XVII вв. С. 79–98; Нурдин Ю. Политические реформы и риторика в Швеции XVIII в. С. 195–213; Минар Ф. «Реформа» во Франции и Англии в XVIII в. С. 216–228.